

Толстой Лев Николаевич

Краткое изложение Евангелия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Краткое изложение Евангелия / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
104 с.

ISBN 978-5-519-77226-6

ISBN 978-5-519-77226-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение и заключение не составляют существенной части учения. Несмотря на то, что какъ введение, такъ и заключение могли бы быть опущены безъ потери для смысла учения (тѣмъ болѣе, что эти части написаны отъ лица Іоанна, а не Іисуса) я удержалъ ихъ потому, что при простомъ пониманіи учения Христа части эти, подтверждая одна другую и все ученіе, въ противоположность страннымъ толкованіямъ церкви, представляютъ самое простое указаніе на тотъ смыслъ, который долженъ быть придаваемъ ученію.

Въ началѣ каждой главы, кромѣ краткаго опредѣленія содержанія, я выставилъ еще и слова молитвы, которою Іисусъ училъ молиться учениковъ, соотвѣтствующія каждой главѣ ¹⁾.

Окончивъ свою работу, я, къ удивленію и радости своей, нашелъ, что молитва Господня есть не что иное, какъ въ самой сжатой формѣ выраженное все ученіе Іисуса въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ уже были расположены мною главы, и что каждое выраженіе молитвы соотвѣтствуетъ смыслу и порядку главъ.

1. Отче нашъ.

Человѣкъ — сынъ Бога.

2. Иже еси на небесѣхъ.

Богъ есть безконечное духовное начало жизни.

3. Да святится имя Твое.

Да будетъ свято это начало жизни.

4. Да придетъ царствіе Твое.

Да осуществится его власть во всѣхъ людяхъ.

5. Да будетъ воля Твоя яко на небеси.

И да совершится воля этого безконечнаго начала, какъ въ самомъ себѣ.

6. И на земли.

Такъ и во плоти.

7. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ.

Жизнь временная есть пища жизни истинной.

8. Днесь.

Жизнь истинная въ настоящемъ.

9. И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

И да не скрываютъ отъ насъ этой истинной жизни ошибки и заблужденія прошедшаго.

¹⁾ Такъ какъ слова эти приведены, расположенныя по главамъ, въ этомъ же предисловіи, то въ этомъ изданіи они больше не повторяются въ началѣ каждой отдѣльной главы.

10. И не введи насъ во искушеніе.

И да не вводятъ насъ въ обманъ,

11. Но избави насъ отъ лукаваго.

И тогда не будетъ зла.

12. Яко твое есть царство, и сила, и слава.

А будетъ твоя власть, и сила, и разумъ.

Въ пространномъ изложеніи третьей части, находящейся въ рукописи ¹⁾, евангеліе по четыремъ евангелистамъ изложено все безъ малѣйшихъ пропусковъ. Въ настоящемъ же изложеніи выпущены слѣдующіе стихи: зачатіе и рожденіе Іоанна Крестителя, его заключеніе и смерть, рожденіе Іисуса, родословіе его, бѣгство съ матерью въ Египетъ, чудеса Іисуса въ Канъ и Капернаумъ, изгнаніе бѣсовъ, хожденіе по морю, искушеніе смоковницы, исцѣленіе больныхъ, воскрешеніе мертвыхъ, воскресеніе самого Христа и указанія на пророчества, совершившіяся въ жизни Христа.

Стихи эти выпущены въ настоящемъ краткомъ изложеніи потому, что, не заключая въ себѣ ученія, а описывая только событія, совершившіяся передъ проповѣдью Іисуса, во время и послѣ нея, усложняютъ изложеніе. Стихи эти, какъ бы они ни были понимаемы, не содержатъ въ себѣ ни противорѣчія съ ученіемъ, ни доказательства его истинности. Единственное значеніе этихъ стиховъ для христіанства было то, что невѣрующему въ божественность Іисуса они доказывали ее. Для челоуѣка же, понимающаго неубѣдительность разсказа о чудесахъ и, кромѣ того, сомнѣвающагося въ божественности Іисуса по его ученію, стихи эти отпадаютъ сами собой по своей ненужности.

Въ большемъ изложеніи каждое отступленіе отъ обычнаго перелоа, каждое вставленное разъясненіе, каждый пропускъ объяснены и доказаны сличеніемъ разныхъ варіантовъ евангелій, контекстами, филологическими и другими соображеніями. Въ этомъ краткомъ изложеніи всѣ эти доказательства и опроверженія ложнаго пониманія церкви, какъ и подробныя примѣчанія съ ссылками, опускаются на томъ основаніи, что, какъ бы ни были точны и правильны разсужденія о каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ, — разсужденія эти не могутъ убѣдить въ истинности пониманія смысла ученія. Доказательства истинности пониманія ученія находятся не въ разсужденіяхъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ, а въ единствѣ, ясности, простотѣ, полнотѣ ученія и въ соотвѣтствіи его съ внутреннимъ чувствомъ всякаго челоуѣка, ищущаго истину.

¹⁾ Смотри примѣчаніе на стр. 3-й.

Относительно вообще всѣхъ отступленій въ моемъ изложеніи отъ принятаго церквами текста, читатель долженъ не забывать того, что столь привычное намъ представленіе о томъ, что евангелія, всѣ четыре, со всѣми стихами и буквами, суть священные книги, есть самое грубое заблужденіе.

Читатель долженъ помнить, что Іисусъ никогда самъ не писалъ никакой книги, какъ Платонъ, Филонъ или Маркъ Аврелій, даже не какъ Сократъ передавалъ свое ученіе грамотнымъ и образованнымъ людямъ, а говорилъ толпѣ безграмотныхъ; и что только долго послѣ его смерти люди стали записывать то, что слышали о немъ.

Читатель долженъ помнить, что такихъ записокъ было очень много различныхъ, изъ которыхъ церкви выбрали сначала три, потомъ и еще одно евангеліе, что, выбирая эти наилучшія евангелія церкви, по пословицѣ „не выберешь дубинки безъ кривинки“, должны были захватить въ томъ, что они вырѣзали изъ всей огромной литературы о Христѣ, и много кривинки, что много есть мѣстъ въ каноническихъ евангеліяхъ столь же плохихъ, какъ и въ отвергнутыхъ апокрифическихъ.

Читатель долженъ помнить, что священно можетъ быть ученіе Христа, но никакъ не можетъ быть священно извѣстное количество стиховъ и буквъ, и не могутъ сдѣлаться священными стихи отсюда и досюда только потому, что люди скажутъ, что они священны.

Кромѣ того, читатель долженъ помнить, что эти отобранныя евангелія все-таки — дѣло тысячъ разныхъ умовъ и рукъ человѣческихъ, что они отбирались, прибавлялись и толковались вѣками, что всѣ дошедшія до насъ евангелія 4-го вѣка писаны слитнымъ письмомъ, безъ знаковъ и потому и послѣ 4-го и 5-го вѣковъ подлежали самымъ разнообразнымъ чтеніямъ, и что такихъ разночтеній евангельскихъ книгъ насчитываютъ до пятидесяти тысячъ.

Все это долженъ помнить читатель, чтобы не сбиться на тотъ привычный намъ взглядъ, что евангелія, какъ они понимаются теперь, такъ точно и пришли къ намъ отъ святого духа.

Читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно откидывать изъ евангелій ненужныя мѣста, освѣщать одни другими, но, напротивъ того, неразумно не дѣлать этого, а считать извѣстное число стиховъ и буквъ священными.

Съ другой стороны, я прошу читателя моего изложенія евангелія помнить то, что, если я не смотрю на евангелія, какъ на священные книги, сошедшія отъ святого духа, я еще менѣе смотрю на евангелія, какъ на памятники исторіи религіозной литературы. Я понимаю и богословскій, и историческій взглядъ на евангелія,

но я смотрю на нихъ иначе, и потому прошу читателя, при чтеніи моего изложенія, не сбѣться ни на церковный взглядъ, ни на привычный въ послѣднее время образованнымъ людямъ историческій взглядъ на евангелія, которыхъ я не имѣлъ.

Я смотрю на христіанство не какъ на исключительное божественное откровеніе, не какъ на историческое явленіе; я смотрю на христіанство, какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни. Я былъ приведенъ къ христіанству ни богословскими, ни историческими изслѣдованіями, а тѣмъ, что 50-ти лѣтъ отъ роду, спросивъ себя и всѣхъ мудрецовъ моей среды о томъ, что такое я, и въ чемъ смыслъ моей жизни, и получивъ отвѣтъ: ты — случайное сцѣпленіе частицъ. Смысла въ жизни нѣтъ, и сама жизнь есть зло, и — тѣмъ, что, получивъ такой отвѣтъ, я пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ убить себя, но, вспомнивъ то, что прежде, въ дѣтствѣ, когда я вѣрилъ, для меня былъ смыслъ жизни, и то, что люди, вѣрующіе вокругъ меня, — большинство людей, не развращенныхъ богатствомъ, вѣрують и имѣють смыслъ жизни, — я усомнился въ правдивости отвѣта, даннаго мнѣ мудростью людей моей среды, и попытался понять тотъ отвѣтъ, который даетъ христіанство людямъ, понимающимъ смыслъ жизни. И я сталъ изучать христіанство въ томъ, что изъ христіанскаго ученія руководить жизнью людей. Я сталъ изучать то христіанство, приложеніе котораго я видѣлъ въ жизни, и сталъ сличать это приложеніе съ его источникомъ.

Источникомъ христіанскаго ученія были евангелія; и въ евангеліяхъ я находилъ объясненіе того смысла, который руководилъ жизнью всѣхъ живущихъ людей.

Но рядомъ съ этимъ источникомъ чистой воды жизни я нашелъ незаконно соединенную съ нимъ грязь и тину, которая одна заслоняла для меня его чистоту; рядомъ съ высокимъ христіанскимъ ученіемъ я нашелъ связанное съ нимъ, чуждое ему, безобразное ученіе еврейское и церковное. Я находился въ положеніи чловѣка, который бы получилъ мѣшокъ вонючей грязи, и только послѣ долгой борьбы и труда нашелъ бы, что въ этомъ мѣшкѣ, заваленныя грязью, дѣйствительно лежатъ безцѣнные жемчужины; понялъ бы, что онъ не виноватъ въ своемъ отвращеніи къ вонючей грязи, и не только не виноваты, но достойны любви и уваженія тѣ люди, которые собрали и хранили этотъ жемчугъ вмѣстѣ съ грязью.

Я не зналъ свѣта, думалъ, что нѣтъ свѣта истины въ жизни; но, убѣдившись въ томъ, что люди живы только этимъ свѣтомъ, я сталъ искать его источникъ и нашелъ его въ евангеліи, несмо-

тря на лживыя толкованія церквей. И, дойдя до этого источника свѣта, я былъ ослѣпленъ имъ и получилъ полныя отвѣты на вопросы о смыслѣ моей жизни и жизни другихъ людей,—отвѣты, вполне сходящіеся со всѣми мнѣ извѣстными отвѣтами другихъ народовъ, и на мой взглядъ превосходящіе всѣ.

Я искалъ отвѣта на вопросъ жизни, а не на богословскій вопросъ или историческій, и потому для меня главный вопросъ не въ томъ, Богъ или не Богъ былъ Іисусъ Христосъ и отъ кого исшелъ святой духъ и т. п.; одинаково не важно и не нужно знать, когда и кѣмъ написано какое евангеліе и какая притча можетъ или не можетъ быть приписана Христу. Мнѣ важенъ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ 1800 лѣтъ человѣчество, и освѣщаль и освѣщаетъ меня; а какъ назвать источникъ этого свѣта, и какіе матеріалы его, и кѣмъ зажженъ,—мнѣ все равно.

На томъ бы могло и кончиться это предисловіе, если бы евангелія были книги, открытыя теперь, если бы ученіе Христа не подвергалось 1800-лѣтнимъ лжетолкованіямъ. Но теперь для пониманія ученія Іисуса необходимо ясно сознать главные приемы этихъ лжетолкованій. Самый привычный и сросшійся съ нами приемъ лжетолкованія состоитъ въ томъ, что подъ именемъ христіанскаго ученія проповѣдывается не ученіе Христа, а церковное ученіе, составленное изъ объясненій самыхъ противорѣчивыхъ писаній, въ которыя только какъ малая часть входитъ оно, изуродованное и подогнутое подъ требованія объясненія другихъ писаній. Ученіе Христа по этому лжетолкованію есть только одно изъ звеньевъ цѣпи откровенія, начавшагося съ начала міра и продолжающагося въ церкви до сихъ поръ. Лжетолкователи эти называютъ Іисуса Богомъ, но признаніе его Богомъ не заставляетъ ихъ придавать словамъ и ученію, приписываемому Богу, больше значенія, чѣмъ словамъ Пятикнижія, Псалмовъ, Дѣяній апостольскихъ, Посланій, Апокалипсиса и даже соборныхъ постановленій и писаній отцовъ церкви.

Лжетолкователи эти не допускаютъ иного пониманія ученія Іисуса, какъ такого, которое было бы согласно со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ откровеніемъ; такъ что цѣль ихъ не въ томъ, чтобы объяснить значеніе проповѣди Христа, а только въ томъ, чтобы найти наименѣе противорѣчивый смыслъ самыхъ невозможно-разнорѣчивыхъ писаній Пятикнижія, Псалмовъ, Евангелія, Посланій, Дѣяній, т.-е. всего, что считается священнымъ писаніемъ.

Объясненій такихъ, имѣющихъ цѣлью не истину, а согласованіе несогласимаго, т.-е. писаній Ветхаго и Новаго Завѣта, очевидно,

можетъ быть безчисленное количество, и таково оно есть. Таковы посланія Павла, постановленія соборовъ, начинающіяся формулой: „изволися намъ и св. духу“. Таковы постановленія папъ, синодовъ, хлыстовъ и всѣхъ лжетолкователей, утверждающихъ, что ихъ устами говоритъ св. духъ. Всѣ они употребляютъ одинъ и тотъ же грубый пріемъ утвержденія истины своего толкованія тѣмъ, что толкованіе ихъ есть не людское толкованіе, а толкованіе св. духа.

Не входя въ разборъ самыхъ вѣръ этихъ, называющихъ себя каждая истинной, нельзя не видѣть того, что въ общемъ имъ всѣмъ пріемъ признанія огромнаго количества такъ называемыхъ писаній Ветхаго и Новаго Завета одинаково священными, лежитъ непреодолимая, ими самими поставленная себѣ преграда для пониманія ученія Христа, и еще того, что изъ этого заблужденія вытекаетъ самая возможность и даже необходимость безконечно-разнообразныхъ толкованій ученія. Только согласованіе всѣхъ откровеній можетъ быть безконечно различно; толкованіе же ученія одного лица, почитаемаго за Бога, не можетъ порождать разногласія. Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой цѣли сошествія Бога на землю, не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же онъ этого не сдѣлалъ, то онъ не былъ Богъ; если же истины божескія таковы, что и Богъ не могъ ихъ сдѣлать понятными для людей, то люди уже никакъ не могутъ этого сдѣлать.

Если Іисусъ не Богъ, а великій человѣкъ, то ученіе его еще менѣе можетъ породить разногласія. Ученіе великаго человѣка только тѣмъ и велико, что оно понятно и ясно высказываетъ то, что другіе высказывали непонятно и неясно. То, что непонятно въ ученіи великаго человѣка, то и не велико; и потому ни одно ученіе великаго человѣка не порождало сектъ. Только такое толкованіе, которое утверждаетъ, что оно есть откровеніе св. духа, что оно единое истинное, что всѣ остальные ложь, — только такое толкованіе порождаетъ разногласіе и вытекающую изъ него взаимную враждебность церквей между собой. Сколько бы ни говорили церкви всякихъ исповѣданій о томъ, что они не осуждаютъ другія исповѣданія, молятся о присоединеніи и не имѣютъ къ нимъ ненависти, — это несправедливо. Никогда ни одно утвержденіе какого бы то ни было догмата, начиная съ Арія, не вытекало не изъ чего другого, какъ изъ осужденія во лжи противоположнаго догмата. Заявленіе же

о томъ, что выраженіе такого-то догмата есть выраженіе божественное, св. духа, есть высшая степень гордости и недоброжелательства къ другимъ людямъ: высшей гордости, — потому что ничего нельзя сказать горделивѣе, какъ то, что сказанныя мною слова сказалъ черезъ меня сынъ Бога; и недоброжелательства потому, что признаніе себя въ обладаніи единой несомнѣнной истиной включаетъ утвержденіе о лживости всѣхъ несогласныхъ. А между тѣмъ только это самое говорятъ всѣ церкви, и изъ этого одного вытекаетъ и вытекало все зло, которое во имя вѣры совершалось и совершается въ мірѣ.

Но кромѣ того временнаго зла, которое производитъ такое толкованіе церквей и сектъ, оно имѣетъ и другой важный внутренній недостатокъ, придающій неясный, неопредѣленный и недобросовѣстный характеръ ихъ утвержденіямъ. Недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ церкви, признавъ послѣднимъ — откровеніе св. духа, сошедшаго на апостоловъ и перешедшаго и переходящаго на мнимо избранныхъ, нигдѣ не выражаютъ прямо, опредѣленно и окончательно, въ чемъ состоитъ это откровеніе; а между тѣмъ на этомъ мнимо продолжающемся откровеніи основываютъ свою вѣру и называютъ ее Христовой. Всѣ церковники, признающіе откровеніе св. духа, такъ же какъ и магометане, признаютъ три откровенія: Моисея, Іисуса и св. духа. Но по магометанской вѣрѣ считается, что послѣ Моисея и Іисуса Магометъ есть послѣдній пророкъ, объяснившій значеніе откровенія Моисея и Іисуса, и это откровеніе Магомета всякій правовѣрный имѣетъ передъ собою.

Но не то съ церковной вѣрой. Она, какъ и магометанская, признаетъ три откровенія: Моисеево, Іисусово и св. духа, но она не называетъ себя по имени послѣдняго откровенія, — святодуховскою, а утверждаетъ, что основа ея вѣры есть ученіе Христа. Такъ что ученіе они проповѣдуютъ свое, а авторитетъ этого ученія приписываютъ Христу. Церковники, признавая послѣднимъ откровеніемъ, объясняющимъ все предшествовавшее, кто — Павла, кто — одни, кто — другіе соборы, кто — папъ, кто — патріарховъ, должны бы были такъ и сказать и называть свою вѣру по имени того, кто имѣлъ послѣднее откровеніе. И если послѣднее откровеніе — отцы, или посланія восточныхъ патріарховъ, или папскія постановленія, или силлабусъ, или катехизисъ Лютера или Филарета, то такъ и сказать, и такъ и назвать свою вѣру, потому что послѣднее откровеніе, объясняющее все предшествующее, всегда и будетъ главнымъ откровеніемъ. Но они не дѣлаютъ этого, а вмѣсто того, проповѣдуя самыя чуждыя Христу ученія, утверждаютъ, что эти уче-

нія проповѣдывалъ Христосъ. Такъ что по ихъ ученію выходить, что Христосъ объявилъ то, что онъ искупилъ своею кровью родъ человѣческій, павшій въ Адамѣ, что Богъ — Троица, что св. духъ сошелъ на апостоловъ и перешелъ черезъ рукоположеніе на священство, что для спасенія нужны семь таинствъ, что причастіе должно быть въ двухъ видахъ и т. п. Выходить, что все это есть ученіе Христа, когда въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека ни о чемъ этомъ. Лжеучители эти должны называть свое ученіе, свою вѣру, ученіемъ и вѣрою св. духа, а не Христовой; потому что Христовой вѣрой можно называть только ту вѣру, которая откровеніе Христа, дошедшее до насъ въ евангеліяхъ, признаетъ послѣднимъ откровеніемъ.

Казалось бы, что это такъ просто, что не стоило бы и говорить про это; но какъ ни странно это сказать, до сихъ поръ еще не отдѣлено ученіе Христа, съ одной стороны, — отъ искусственнаго, ничѣмъ неоправданнаго согласованія его съ ветхимъ завѣтомъ, съ другой стороны — отъ тѣхъ произвольныхъ дополненій и извращеній ученія, которыя дѣлаются во имя св. духа.

До сихъ поръ одни, называя Іисуса вторымъ лицомъ Троицы, понимаютъ его ученіе не иначе, какъ въ связи съ тѣми мнимыми откровеніями третьяго лица, которыя они находятъ въ ветхомъ завѣтѣ, въ посланіяхъ, соборныхъ отеческихъ постановленіяхъ, и проповѣдуютъ самыя странныя вѣры, утверждая, что это вѣра Христова.

Другіе, не признавая Іисуса Богомъ, точно такъ же понимаютъ его ученіе не такъ, какъ оно могло быть проповѣдуемо имъ, но какъ оно понимается Павломъ и другими его толкователями. Признавая Іисуса не Богомъ, а человѣкомъ, эти толкователи лишаютъ Іисуса самаго законнаго человѣческаго права — отвѣчать за свои слова, а не за лжетолкователей его словъ. Стараясь объяснить ученіе Іисуса, эти ученые толкователи навязываютъ Іисусу то, чего онъ никогда не думалъ говорить. Представители этой школы толкователей, начиная съ самаго популярнаго изъ нихъ, Ренана, не потрудившись выдѣлить изъ ученія Христа того, чему училъ самъ Христосъ, отъ того, что на него наклепали его толкователи, не потрудившись понять это ученіе сколько-нибудь глубже, — стараются понять смыслъ явленія Іисуса и распространенія его ученія изъ событій жизни Іисуса и условій его времени.

Задача, которую имъ предстоитъ рѣшить, состоитъ въ томъ, — что 1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то наговорилъ. Его высѣкли и повѣсили. И съ тѣхъ поръ, — несмотря

на то, что было много и много праведниковъ, погибшихъ за свою правду, — милліарды людей умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и безграмотныхъ, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что этотъ, только этотъ человѣкъ былъ Богъ. Какъ объяснить это удивительное явленіе? Церковники говорятъ, что это произошло отъ того, что Іисусъ былъ Богъ. И тогда все понятно. Но если онъ не былъ Богъ, то какъ объяснить то, что именно этотъ простой человѣкъ всѣми признанъ Богомъ? И ученые этой школы старательно разыскиваютъ всѣ подробности жизни этого человѣка, не замѣчая того, что сколько бы ни отыскивали подробностей (въ дѣйствительности же ровно ничего не отыскивали), если бы они даже возстановили всю жизнь Іисуса до мельчайшихъ подробностей, вопросъ о томъ, почему онъ, именно онъ, имѣлъ такое вліяніе на людей, остался бы все-таки безъ отвѣта. Отвѣтъ не въ томъ, въ какой средѣ родился Іисусъ и кто его воспитывалъ и т. п., и еще менѣе въ томъ, что дѣлалось въ Римѣ, и что народъ былъ склоненъ къ суевѣрію и т. п., а только въ томъ, что проповѣдывалъ этотъ человѣкъ такое особенное, что заставило людей выдѣлить его изъ всѣхъ другихъ и признать его Богомъ тогда и теперь? Казалось бы, что первое, что надо сдѣлать, это — постараться понять ученіе этого человѣка и понять, само собою разумѣется, именно его ученіе, а не тѣ грубыя толкованія его ученія, которыя распространялись и распространяются послѣ него. А этого-то и не дѣлаютъ. Эти ученые историки христіанства такъ обрадовались тому, что, они поняли, что Іисусъ не былъ Богъ, и такъ имъ хочется доказать, что ученіе его не божественное и потому необязательное, что, — забывая то, что чѣмъ больше они докажутъ то, что онъ былъ простой человѣкъ, и что ученіе его не божественное, тѣмъ дальше они будутъ отъ разумѣнія занимающаго ихъ вопроса, — они всѣ силы напрягаютъ на то, чтобы доказать, что онъ былъ простой человѣкъ, и что потому ученіе его не божеское. Чтобы видѣть ясно это удивительное заблужденіе, стоитъ вспомнить статью Havet, послѣдователя Ренана, который утверждаетъ, что *Jésus Christ n'avait rien de chrétien*, или Souris, который съ восторгомъ доказываетъ, что Іисусъ Христосъ былъ очень грубый и глупый человѣкъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы доказать, что Іисусъ не былъ Богъ, и что потому его ученіе не божеское, и не въ томъ, чтобы доказать, что онъ не былъ католикъ; а въ томъ, чтобы понять, въ чемъ состояло, во всей чистотѣ его, то ученіе, которое было такъ высоко и дорого людямъ, что проповѣдника этого ученія люди признали и признаютъ Богомъ.

И потому, если читатель принадлежит къ огромному большинству образованныхъ, воспитанныхъ въ церковной вѣрѣ людей, но отрекшихся отъ нея несообразностей съ здравымъ смысломъ и совѣстью (остались ли у такого человѣка любовь и уваженіе къ духу христіанскаго ученія, или онъ по пословицѣ: осердясь на блохъ, — и шубу въ печь, — считаетъ все христіанство вреднымъ суевѣріемъ), я прошу такого читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, и то, что представляется ему суевѣріемъ, не есть ученіе Христа, что Христосъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое приплели къ его ученію и выдавали за христіанство; что для того, чтобы судить о христіанствѣ, надо изучать только одно ученіе Христа, какъ оно дошло до насъ, т.-е. тѣ слова и дѣйствія, которыя приписываются Христу и которыя имѣютъ учительное значеніе.

Изучая такимъ образомъ ученіе Христа, такой читатель убѣдится, что христіанство не только не есть смѣшеніе высокаго съ низкимъ, не только не есть суевѣріе, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое ученіе, выше котораго не поднимался до сихъ поръ разумъ человѣческій, и въ кругу котораго, не сознавая того, движется человѣческая дѣятельность, политическая, научная, поэтическая и философская.

Если читатель принадлежитъ къ тому ничтожному меньшинству образованныхъ людей, которые держатся церковной вѣры, исповѣдуя ее не для внѣшнихъ цѣлей, а для внутренняго спокойствія, я прошу такого читателя помнить, что ученіе Христа, изложенное въ этой книгѣ, несмотря на одинаковость названія, есть совершенно другое ученіе, — а не то, которое онъ исповѣдуетъ, и что потому вопросъ для него не въ томъ, согласно ли или не согласно предлагаемое ученіе съ его вѣрою, а только въ томъ, какое ученіе согласнѣе съ его разумомъ и сердцемъ, — его ли церковное ученіе, составленное изъ согласованій всѣхъ писаній, или одно ученіе Христа. Вопросъ для него только въ томъ, хочетъ ли онъ принять новое ученіе или оставаться въ своей вѣрѣ.

Если же читатель принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, внѣшне исповѣдующимъ церковную вѣру и дорожающимъ ею не потому, что они вѣрятъ въ истину ея, а по внѣшнимъ соображеніямъ, потому что они считаютъ исповѣданіе и проповѣданіе ея выгоднымъ для себя, то пусть такіе люди помнятъ, что, сколько бы у нихъ ни было единомышленниковъ, какъ бы сильны они ни были, на какіе бы престолы ни сажались, какими бы ни называли себя высокими именами, они не обвинители, а обвиняемые. Такіе читатели пусть